

**МОНАРХИЧЕСКАЯ ИДЕЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ СВОБОДНОГО КОНСЕРВАТИЗМА В XX ВЕКЕ)**

© 2010 В.Н. Шульгин

Российский государственный университет им. И. Канта, г. Калининград

Поступила в редакцию 09.09.2010

В статье устанавливается преемственность двух этапов развития отечественной свободной консервативной мысли: дореволюционного, начавшегося в конце XVIII в., выразившегося в творчестве Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, их последователей, и пореволюционного, развивавшегося преимущественно в вынужденной эмиграции. Рассматриваются взгляды И.А. Ильина, П.Б. Струве, А.В. Карташева, Л.П. Карсавина. Ключевые слова: свободный консерватизм, русская консервативная традиция, отечественная консервативная мысль.

Идея возрождения русской национальной и христианской государственности – одна из центральных в зарубежной России. Её отстаивала консервативная часть эмиграции, естественно тяготевшая к традиционно-монархическому строю мысли. Вообще в Зарубежье действовал весь спектр русской общественно-политической мысли. Левые ратовали за “чистый” социализм, либералы – за “наследие Февраля”. Консерваторы-самобытники – за возрождение христианской (в пределе – монархической) государственности, без повторения ошибочного петровского уклонения от православной церковно-государственной *симфонии*. Нас интересует консервативное, православно укоренённое крыло Русского Зарубежья. Его ядром были видные мыслители, органично продолжившие развитие этой наиболее развитой отечественной традиции *свободного консерватизма*, утверждённого Н.М. Карамзиным в первой трети XIX в. Необходимо учесть, что свободные консерваторы в течение всего XIX-начала XX века, вплоть до революции 1917 года противостояли *служебным*, “официальным” консерваторам (то есть наследникам А.Х. Бенкендорфа)¹.

Свободные консерваторы были представителями господствующей традиции золотого века отечественной культуры, представленной именами А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева и других. И неважно, что в их рядах шли творческие споры. Полемика, иногда заочная, да и с перекличкой во времени между Пушкиным и Чаадаевым, Леонтьевым и Достоевским, Флоренским и Хомяковым и т. д. не отменяет принципиального единства данного направления русской мысли. Монархическую государственность все эти и другие её поборники отстаивали, исходя из

Шульгин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и региональной истории. E-mail: shulgin_vladimir@mail.ru

христианских убеждений, из сердечной преданности трём субстанциальным началам Руси: церковному, царскому, народному. В Зарубежье эту традицию свободного, творческого консерватизма, ратующего за возрождение собственной государственности, продолжили И.А. Ильин, П.Б. Струве, А.В. Карташев, Л.П. Карсавин.

Типологическая двойственность консерватизма была характерна и для Зарубежья. Именно ею объясняется та резкая критика, с которой И.А. Ильин реагировал на мнения Н.Е. Маркова и его сторонников в 20-е годы. Ильин ополчился на “творческую безыдейность” крайне правых, бывшую у них ещё до революции. В заметках “О Революции” (1921–1930) он отмечал, что эти “дореволюционные недуги духа” (со ставкой на “циническую силу”, на “противогосударственную классовую установку” и ложь) были “увезены эмиграцией с собой; они по-прежнему сидят в ней и владеют ею”. Ильин выступал против такого ложного консерватизма, против “формалистического империализма”, то есть против отрыва государственной силы России от её христианской правды и, таким образом, против курса на простое механическое восстановление старой Империи².

На Зарубежном съезде правых в 1926 г. сошлись представители “двух консерватизмов”. Струве и Ильин выступили в духе *непредрешенчества* будущей политической формы, которую примет российская государственность после краха большевизма³. В идеале они склонялись к монархии, оптимальной, оправданной историей форме христианской государственности. Они выступили против фракционности. Негодование Ильина вызвали угрозы Маркова противопоставить после прихода к власти расстрельную “правую стенку” таковой же “левой стенке”. Марков 2-й готов был угрожать “стенкой” и консерваторам-непредрешенцам. Так он пытался лишь ме-

ханическим путём сплотить всех правых под началом “вождя”, в. к. Николая Николаевича. Ильин сурово осудил дух партийности, который однажды уже привёл Россию к развалу. Он призвал не превращать будущего царя в партийного лидера, говоря: “Царь вне партий, классов и сословий <...> Горе партиям, хотящим полонить сердце царя, – они <...> страну обрекают гражданской войне!” И нельзя вождя выдвигать в качестве царя. Это забегание вперёд. Ильин говорил: “...нет у нас ещё счастья иметь Царя – не знаем, *будет* ли он у нас и *когда* он будет”. И далее: “И да не будет партийного совдепа, ни слева, ни справа”⁴.

Известный исследователь творчества Ильина Н.П. Полторацкий пришел к обоснованному выводу о произошедшей в 20-е гг. “...кристаллизации двух главных лагерей национально настроенной массы русской эмиграции – непререкаемого (включавшего и очень многих принципиальных монархистов) и партийно-монархического”⁵. Полторацкий имел в виду два типа консерватизма, самоопределившихся ещё задолго до Революции и продолжавших свою идейную жизнь в Зарубежье. “Механические” охранители-бюрократы всегда были малочувствительны к религиозно-онтологическим основам консерватизма. Свободные консерваторы, наоборот, исходили не из насильничающей узды, а из свободной любви во Христе. Эта традиция шла от Карамзина, Пушкина, Киреевского, Хомякова, Достоевского и Вл. Соловьёва к самобытникам Русского Зарубежья.

Для данной стержневой школы национальной мысли возрождённая Россия должна иметь ту религиозную свободу, которая назрела после долгого петровско-протестантского “петербургского” пленения Церкви. Только на этом истинном устое, буде он достаточно крепким, и возможно возрождение христианского Царства. Ильин призывал не смешивать вековечную истинность института Православной монархии с вопросом её немедленного насильственного введения. Возрастание приверженности к монархической государственности должно быть естественным процессом, идущим в общих рамках христианского возрождения. Здесь главная задача, как Ильин говорил ещё до Второй мировой войны и повторял позже, состоит в преодолении соблазнительных “демократических” заблуждений Февраля 1917 года.

Наибольший грех Февраля по Ильину – секуляризм, попытка устранить религиозные начала российской государственности. В “Наших Задачах” он писал, что Февраль создал “...государство без принуждения, без религиозной основы, без монархического благоговения и верно-

сти, построенное на силах отвлечённого довода и прекраснословия, на пафосе безрелигиозной морали...”⁶. Этот наивно-преступный “демократизм”, находящийся в состоянии “анархического умиления”, может быть преодолен на основе нового возрастания православной веры и деятельного жертвенного служения истине, которое при необходимости опирается на “меч и силу”. Совет Ильина чрезвычайно важен именно для нашего переходного времени, когда под влиянием советских десятилетий противоцерковных гонений распространилось протестантствующее индивидуалистически-эгоистическое понимание сути Православия как орудия исключительно личного спасения без внимания к необходимости точного и действенно-волевого соборного самоопределения граждан в гражданской и политической сфере.

Против такого “умилительного” понимания Православия, замыкающегося в фальшивые непротивленческие рамки, что оборачивается терпимостью к разрастающемуся злу, резко выступил Ильин ещё в середине 20-х гг. Он показал, что без правильного самоопределения в отношении к злу человек совершает духовное преступление: “Поэтому несопротивляющийся злу рано или поздно приходит к необходимости уверить себя, что зло – не совсем плохо... в нём есть некоторые положительные черты <...> что они, может быть, даже преобладают”. Вырождение личности ведёт к полному её пленению, когда при всём своём показном православии она “уже одобряет и наслаждается” злом. Ильин делает вывод: “Таков духовный закон: несопротивляющийся злу поглощается им и становится одержимым”⁷.

Итак, Ильин был критиком противоестественной для России демократической республики, опирающейся на онтологическое безволие, не знающей истинных целей и средств жизни. В силу того, что “...каждая страна есть *живая индивидуальность*”, внутреннее государственное устройство любого народа также глубоко индивидуально. Ильин восклицает: “Откуда же эта нелепая идея, будто государственное устройство можно переносить... из страны в страну?” Как невозможно США облечь в монархическую форму, так и столь же безответственно “...загонять в *республиканскую* форму жизнь народа, выносившего в долгие века монархическое правосознание”. Последнее относится к России, Германии и ряду других стран⁸.

По Ильину, христианско-монархическое возрождение России в будущем осложнится недоброжелательностью Запада. Великой стране будут навязывать ослабляющие её политические формы. Он предвидел, что в период новой смуты после коммунистического краха Запад начнёт

пропаганду ложного “общеевропейского” пути. В “Наших задачах” говорилось, что Европа займётся “...внедрением в Россию международной “закулисы”, упорным навязыванием русскому народу непосильных для него западно-европейских форм республики, демократии и федерализма, политической и дипломатической изоляцией её, неустанным обличением её мнимого “империализма” <...> её “некультурности” и “агрессивности”. Поэтому Ильин призывал в 1948 г. “...не поддаваться столь свойственным русской душе сентиментальным иллюзиям” и трезво видеть, что “мир изобилует “русофобами”, врагами национальной России, обещающими себе от её крушения, унижения и ослабления всяческий успех”⁹.

Ильин верно определил политический вектор российского возрождения. Необходим курс на преодоление государственного секуляризма (февралистско-большевистского), имеющий целью возрождение царства. Мыслитель призвал не унывать от величия и тяжести этой задачи: “...я считаю монархический строй единственно верным и желательным; но опасаясь, что после свержения коммунистов в России не окажется ни монархического правосознания, ни религиозно-нравственных источников для него; я опасаясь, что настанет тягостный период русской истории – **деморализация в массах и военная оккупация иноземцами**, так что о монархии временно нельзя будет и говорить, **и Россия будет изживать это болото в республиканских формах**”¹⁰. Видя сегодняшнее давление на Россию со стороны США и их союзников, насаждение у нас множества “неправительственных организаций” с вполне определенными целями, приходится лишь склонить голову перед провидческим даром Ильина.

Ильин не был одинок. Вместе с ним в борьбе против секулярного республиканизма и безбожия Милюкова – Ленина выступил целый ряд выдающихся мыслителей свободно-консервативной традиции. Первым из них по праву следует назвать П.Б. Струве. В монархическом парижском “Возрождении”, которое он возглавлял, политик определил республику Февраля “историческим выкидышем”, который недопустимо рекламировать (“не бывшее существо”)¹¹. Это был упрек Милюкову и его сторонникам, которые стремились к оживлению “феврализма”. Естественным было тяготение Струве к христианскому монархизму в русле той самобытной традиции, которая, противостоя слепому бюрократическому консерватизму, духовно возростала в Империи с начала XIX в.

Струве подчёркивал недопустимость отождествления консерватизма и “тупого реакционерства”, беря в союзники своих предшественников,

умевших понимать (как Пушкин, славянофилы, почвенники и т. д.) естественность “...логически правомерного и исторически оправданного сочетания любви к свободе с любовью к порядку и традиции”. Это свободно-консервативное течение русской мысли Струве называл “либерально-консервативным” направлением, дух которого, по его мнению, и должен в будущем помочь возрождению исторической России. Лучшим аттестатом этого коренного, наиболее просвещённого направления отечественной мысли и культуры был гений Пушкина. Струве напоминал: “...либеральным консерватизмом по всему своему духовному стилю был свобододолюбивый и в то же время глубоко консервативный Пушкин”¹².

На этом идейном фоне совершенно естественной была солидарность Струве и Ильина. Последний к тому времени написал свой труд “О сопротивлении злу силой”. Струве был близок подход Ильина, который в самобытно-консервативном духе объединил христианское и государственное начала. Именно в этом контексте Ильин высказывался за твёрдый волевой модус русской государственности, знающей собственных врагов. Струве пояснял, что “замечательная речь” Ильина, посвящённая памяти Корнилова, прозвучавшая в главных центрах Зарубежья, своим остриём направлена “против сентиментального истолкования христианства в духе непротивленства”. Вольно понимать родную веру как хочешь, пишет Струве, но “...тому, кто так смотрит на христианство, нужно будет как-то посчитаться и рассчитаться с историческими фигурами не только Константина Великого, но и Александра Невского, Сергия Радонежского и множества вообще святых...”. Струве поддержал Ильина, призывавшего не искать трусливо теплохладной середины и творить волевой акт в соответствии с верой. Ильин тогда, в частности, писал: “Живите мирно, – учил св. Феодосий Печерский, – не только с друзьями, но и с врагами, однако, только со своими врагами, а не с врагами Божиими”. Не так ли шло и далее? Не Сергий ли Радонежский благословил Дмитрия Донского на бой с татарами? Не он ли дал ему иноков – Пересвета и Ослябю?..”¹³.

Струве также ратовал за возрождение христианской государственности, за традиционную симфонию важнейших сфер жизни, религиозной и государственной. Он писал: “Возникает такая дилемма: либо допустить, что христианство абсолютно анархично <...> либо <...> приять какое-то христианское оправдание государства и государственности. И.А. Ильин решает вопрос во втором смысле, и такое решение устраняет для христиан “двойную бухгалтерию” христианской отрешённости от государства и нехристианской

государственности”. Струве напоминал, что речь Ильина **“была... направлена против христианского <...> аполитизма современности”**¹⁴. Видим, как наши новейшие самобытники соглашались с призывом Марины Цветаевой, воззавшей “Царствие! – Будь!”¹⁵, видя невозможность торжества правды без возрождения государственности на православной основе, свободной от протестантизма петербургского периода. Таким образом, борьба против обмирщения (секуляризма) вела свободных консерваторов к убеждению в правомерности христианской государственности, а эта последняя – к уверенности в необходимости постепенного монархического возрождения.

Попутно высказывались апологетические суждения о периоде Империи, облик которой традиционно искажался интеллигентским нигилистическим сознанием. Ильин писал: “Мы верим в Россию потому, что созерцаем её в *Боге* и видим её такою, какой она была *на самом деле*”. Несмотря на трагическое революционное падение, но и благодаря ему, Россия лучше поймёт свои субстанциальные основы: “...история свидетельствует о том, что на такие испытания и потрясения народы отвечают *возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своего духовного акта, новым расцветом своих сил*”. А ведь было что вспомнить! В Императорской России, продолжал Ильин, в целом были “здоровые” государственность, армия, земство, суд и школа, был взят курс на обеспечение свободы веры при сохранении христианского царства, именно поэтому русский народ дал в конце императорского периода “...высший в Европе средний уровень рождаемости: 47 человек в год на каждую тысячу населения”¹⁶.

“Реабилитировал” старую Россию и Струве. В середине 20-х гг., когда Зарубежье спорило о проблеме “сопротивления злу силою”, Струве подкреплял свою солидарную с Ильиным позицию указанием на субстанциальную связь между Русью и православным Царством. Страну нельзя оторвать от Царства без гигантского ущерба. Струве справедливо пенял Милюкову, ложно разлучавшему “русскую государственность” и “царизм”. Он был самокритичен, вспоминая свою оппозиционную деятельность в радикальных кругах до 1905 г., говоря, что “...мы все или почти все ошибались, и очень жестоко <...> недостаточно понимали глубокую органическую связь между русской “исторической властью” <...> и реальной русской государственно-культурной <...> Ужасный эксперимент истории, каким является русская революция, вскрыл эту “солидарность”...”. В этой связи Струве резко выступал против интеллигентского презрения русской “исторической власти” и даль-

нейшего искусственного конструирования отрицательной “легенды о “царизме”¹⁷.

Аналогичным образом мыслили и другие выдающиеся представители Зарубежья. А.В. Карташев, бывший министр исповеданий Временного правительства и выдающийся церковный историк, подчёркивал истинность исторической и онтологической связи между Церковью и Царством. Он отмечал: “Между историей церкви и историей империи Восток видит своего рода “предустановленную гармонию”. Шестая Юстинианова новелла так прямо и утверждает, что “священство и царство” <...> одинаково установлены самим Богом для блага человечества и служат этому благу, друг другу помогая... в полной “симфонии”. В конечном счёте это – самая тонкая и совершенная формула взаимоотношений церкви и государства. Фактические грехопадения византийской истории несколько не колеблют её нормативной математической точности...”. Карташев настаивал на истине православного подхода, при котором Церковь жаждет “воплотить Царство Божие в земной человеческой истории”, опираясь на Царство (Империю), стремясь “...указать людям не только пути личного спасения отдельных душ человеческих, но и устроить пути коллективного, “соборного” спасения человечества как “целого”. Заметим, как точно устанавливает специалист и верующий историк связь между Церковью и Царством, указывая на первичность именно **церковной устремленности к Империи**. Это истинное дерзновение Карташев называет подлинной “теократической мечтой” о торжестве Града Божия на земле.

Соответственно, новоевропейский отказ от единства церковного и государственного начал Карташев расценивал как проявление греховного отказа от подлинного добра. Он замечал, что Православие в такой устремлённости к Царству более всех других исповеданий хранит в себе дух первохристианства: “Ему чужд современный, захвативший Европу со времени Ренессанса дуализм ценностей: светских и духовных...”. Уход от Христа в государственной и светской жизни – это ересь для Православия, для которого “все ценности христоцентричны”. В соответствии с Евангелием “...всё должно быть <...> христианизировано. Государство должно быть “христоименное” <...> воинство “христолюбивое” <...> **Светская история и культура – незаконны как язычество, как неверие, как сопротивление Христу**”. И поскольку Господь при рождении был вписан в римский ценз как гражданин империи, то “...этим сообщена римской империи... историческая неразрушимость до Второго Пришествия”. Эта схема вроде бы поколеблена падением всех трёх Римов, гово-

рит Карташов. Всё же это не отменяет нормативной устремлённости Православия к возрождению христианской государственности, поскольку греховные исторические ошибки только усиливают сознание истинности коренного “симфонического” подхода к жизни России, которая вновь должна стать Святой Русью¹⁸.

Церковный подход приводит Карташева и к апологии Синодального периода. Он писал, что даже протестантские уклонения Петра I и его последователей “...уравновешивались традиционными началами московских царей, “блостителей правоверия и всяческого в Церкви благочиния”, как значилось в Основных Законах... Российской Империи”¹⁹. Карташев назвал синодальный период “самым блестящим и славным в истории русской церкви”. Он писал: “Не в железных ли обручах императорского самодержавия русский народ прославился всемирно? Не только как государство, но и как нация, выдвигающая мировых творцов культуры и мировые произведения культуры”.

Сталкиваясь в эмиграции с русофобией, Карташев душою устремлялся к старой России, как и Струве, критически оценивая идеологическую “зашоренность” интеллигенции. Он писал: “Перед нами уже нет... “старого режима”, с недостатками которого мы боролись и... забывали о его положительных достижениях. Наша самокритика, превратившаяся в систематическую революционную критику всей русской государственности... создала в западном мире искаженный, почти карикатурный образ России как некоего... монстра”. Факты же свидетельствуют, что в самом сопротивлении петровскому секуляризму в синодальный период церковь не была раздавлена, “как любят настаивать римокатолики”: “Русская церковь страдала под тяжестью режима, но она победила его внутренне”. Предписанная Петром научная выучка пошла на пользу. Родилась самостоятельная русская наука... Дух России возрастал и дал ей святость Тихона Задонского, Паисия Величковского, Серафима Саровского, гений Пушкина, мудрость Хомякова и Вл. Соловьёва, величие русской литературы. Сила церкви проявилась в период страшных гонений большевиков, когда “...сотнями тысяч исчисляются новые мученики и страдальцы за веру Христову, становясь “семенем новых христиан””. Так что “...наш безмерно охаянный Синодальный период не стыд и позор, а слава и гордость русской церкви”, – делал вывод Карташев²⁰.

Карташев призывал взять курс на воцерковление жизни в грядущей посткоммунистической России. Его советы весьма своевременны. Он убеждал, что православная Церковь не должна устраняться от государственной жизни: “...у нас

принято под ханжеским предлогом невмешательства в земные дела... трусливо отмалчиваться от всех жгучих вопросов жизни, а потом задним числом столь же ханжескими... обличать бедных заблудившихся овец в том, что они сбились с пути... Словом, соборный голос церкви должен не прятаться за ширмы небесных целей Евангелия, а громко и властно звучать среди социальных бурь современности и быть указателем для верующих мирян, живущих в этом мире, а не в Фиваидской пустыне”²¹.

Стремление к волевой жертвенности во имя правды был общим для свободных консерваторов Зарубежья и оно чрезвычайно актуально в наши дни, когда православным навязывается ложное смирение и терпение, которое классики Зарубежья заклеили грехом отступничества. Любопытно, как на художественном уровне почувствовал эту проблему наш современник, писатель В.М. Шукшин. В своей провидческой сказке, написанной более 30 лет тому назад, он изобразил типичных представителей нашей современной элиты: “мудреца”, который не видит разницы между добром и злом и соглашается с другим типичным героем, “изящным чёртом”, говорящим о пользе “крайне бесовских тенденций” в современной жизни. Изображены и монашествующие, один из которых призывает силою изгнать бесов, коварно захвативших монастырь, другой же инок в ложно-елейном непротивленческом духе призывает смириться и “терпеть”²².

Карташев разделял убеждённость классической консервативной мысли об устойчивом цивилизационном стержне России, проявляющемся в самоназвании *Святая Русь*, определяющем вековую её устремлённость к христианизации всей государственной жизни. Современная софистика (“номинализм” по Карташеву) пытается оспорить истинность таких абсолютных понятий, как Святая Русь, утверждая, что народ, нация, народная душа является лишь пустыми словами, смысл которых меняется с течением времени. Карташев не соглашается: “Напротив, от исторического начала до их исторической смерти... народы являлись и являются устойчивыми и неразложимыми типами, явно подвластными закону биологической индивидуализации и самосохранения...”. Государство, нация и культура созданы душой нашего народа, и всё это, пишет Карташев, предстает перед нами “как цельный духовный организм” и есть для нас “опытно сопереживаемый факт”. Русь всегда будет “качественно определённой”, пока она Русь²³. Несомненно, этот взгляд Карташева необходимо трактовать как проявление классического свободно-консервативного подхода, который всегда настаивал на необходи-

мости христианизации государственности, исходя из духовной и жизненной оправданности её монархической формы.

Единство предпочтений свободно-консервативной мысли Зарубежья необходимо подкрепить и другими примерами. Монархическая православно ориентированная Русская мысль даже шире, чем идейная сфера того круга представителей Зарубежья, о котором шла речь выше. Выдающийся историк и религиозный философ Л.П. Карсавин не входил в круг Ильина. Последний, случалось, критиковал евразийцев, к которым одно время принадлежал Карсавин, подозревая в евразийстве соглашательское настроение по отношению к Советской власти²⁴. Тем не менее эти субъективные расхождения не отменяют общей родственности их воззрений о нормативном соотношении государственности и религии, начал, которые недопустимо отрывать друг от друга без риска нанести ущерб жизненным основам России. Тем более что трудами Карсавина, историка западной средневековой религиозности, Ильин активно и признательно пользовался²⁵.

В 1923 г. Карсавин опубликовал в Берлине свою работу “Путь Православия”, в которой проблема соотношения Церкви и государства была одной из центральных. Он убеждён: “Нет и не может быть резкой грани между Церковью и миром...”; “Будучи всеединством, Церковь должна выражаться во всех сторонах жизни и развития человечества...”. Карсавин подчёркивал, что идея вселенской Церкви вовсе не является “идеей интернационала”, которую продвигает католичество, затемняя, что в действительности оно стоит за “национально-романское” начало под видом общечеловеческого. В этой связи мыслитель настаивал на непосредственной связи Церкви и государства: “Православная Церковь есть по преимуществу Церковь Русская, не мыслимая... в длительном отрыве от русской государственности и русской жизни”. Её вселенская полнота и всецелая русскость несколько не противоречат друг другу. Карсавин пишет: “Православие знает о невозможности отделить церковь от государства и установить между ними какие-то человеческие договорные отношения. Оно знает, что **всё должно быть Церковью...** что в самой Церкви должны быть власти и духовные, и светские <...> Царь – помазанник Божий и глава Церкви в эмпирическом бытии её; **“царство” благословляется православием, как наилучшая власть из всех на земле возможных**, хотя оно в эмпирии и может остаться лишь абсолютным заданием”. Поэтому “государство – часть церкви, церковь в направленности её на политические задачи”. Карсавин не сомневается в том, что крушение самодержавия, правильно почитаемо-

го русской церковью за лучшую из возможных религиозных форм государственности, было катастрофой и для церкви: “Церковь не должна была отнестись к этому факту равнодушно <...> невозможно русское неправославное государство... государство православное и с президентом, парламентаризмом и четырьмя хвостами, более приличествующими врагам Божиим...”²⁶.

Таким образом, свободно-консервативная мысль Зарубежья первой половины XX века продолжила идейный курс своих выдающихся предшественников, которые, начиная с Карамзина, были убеждены в правде Царства и в его церковном характере. Так, Достоевский в конце жизни в своём дневнике заметил: “*Государство есть церковь*”, ёмко выразив кредо всего свободного русского консерватизма²⁷. Современные искания путей возрождения России должны опереться на богатейшее наследие этой свободной самобытной мысли, которая поистине – “наше всё”.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Шульгин В.Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. СПб.: Нестор-История, 2009.
- 2 Ильин И.А. Собрание сочинений: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. М.: Русская книга, 2001. С.100-101.
- 3 Российский Зарубежный Съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. М.: Русский путь, 2006. С.466-477.
- 4 Цит. по: Полторацкий Н.П. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение // Ильин И.А. Собрание сочинений: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. М.: Русская книга, 2001. С.368.
- 5 Там же. С.368.
- 6 Ильин И.А. Наши задачи // Собрание сочинений. Т.2. Кн.1. М.: Русская книга, 1993. С.188.
- 7 Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С.7-10.
- 8 Ильин И.А. Наши задачи. Кн.1. С.47-49 (курсив автора).
- 9 Там же. С.66 (курсив автора).
- 10 Полторацкий Н.П. Указ. соч. С.516 (выделено мною – В.Ш.).
- 11 Струве П.Б. Дневник Политика. Москва-Париж: Русский Путь – УМСА- PRESS, 2004. С.17.
- 12 Там же. С.19.
- 13 Ильин И.А. Собрание сочинений: Кто мы? О революции... С.25.
- 14 Струве П.Б. Дневник Политика. С.23 (выделено мною – В.Ш.).
- 15 Цветаева М. Белогвардейские стихи. Таруса: С.Е. Михеенков, 1990. С.4.
- 16 Ильин И.А. Наши задачи. С.108-110, 193 (курсив автора).
- 17 Струве П.Б. Дневник Политика. С.31-32.
- 18 Карташев А.В. Православие в его отношении к историческому процессу // Он же. Церковь, история, Россия. М.: Пробел, 1996. С.50-52, 59 (выделено мною – В.Ш.).
- 19 Карташев А.В. Церковь и государство // Он же. Церковь, история, Россия. С.231.
- 20 Карташев А.В. Русская церковь периода империи //

- Он же.* Церковь, история, Россия. С.168, 172-173, 178, 181-182.
- ²¹ *Карташев А.В.* Церковь как фактор социального оздоровления России // *Он же.* Церковь, история, Россия. С.246, 244-245.
- ²² *Шушкин В.М.* До третьих петухов. М.: Русская книга, 1992. С.42-76.
- ²³ *Карташев А.В.* Судьбы “Святой Руси” // *Он же.* Церковь, история, Россия. С.134-135.
- ²⁴ См.: *Ильин И.А.* Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1927-1934). М.: Русская книга, 2000. С.35;
- Ильин И.А.* Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1947-1950). М.: Русская книга, 2000. С.35-36.
- ²⁵ См.: *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта: исследование. Т.1. М.: Русская книга, 2002. С.184, 319, 368, 403, 405 и далее.
- ²⁶ *Карсавин Л.П.* Малые сочинения. СПб.: Алетея, 1994. С.349, 352-354, 356-357. Упоминаются принципы так называемой либеральной “четырёххвостки”: всеобщее, свободное, равное вотирование с тайной подачей голосов.
- ²⁷ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т.27. Л.: Наука, 1984. С.80 (курсив автора).

**THE MONARCHIAL IDEA OF THE RUSSIAN EMIGRATION
(ON THE PROBLEM OF DEVELOPMENT OF FREE CONSERVATISM IN THE XX CENTURY)**

© 2010 V.N. Shulgin

Immanuel Kant Russian State University, Kaliningrad

The article reveals continuity of the two periods in the development of Russian free conservative thought: pre-revolutionary, which begins since the times of the French Revolution in the end of the XVIII century, manifested itself in the works of N.M. Karamzin, A.S. Pushkin, their followers, and post-revolutionary, developed since 1917 primarily in the forced emigration. The author examines the views of I.A. Ilyin, P.B. Struve, A.V. Kartashev, L.P. Karsavin.

Key words: free conservatism, Russian conservative tradition, conservative thought.